

© 2017

Дмитрий Егоров

доктор философских наук, профессор
Псковского филиала Академии ФСИН России
(e-mail: de-888@ya.ru)

МИКРОТЕОРИЯ И СТОИМОСТЬ

В статье обосновываются следующие положения: стоимость – информационная мера ценности объекта. Никаких объективных научных оснований для элиминации стоимости нет. Как понятие идеальное, стоимость непосредственному наблюдению и измерению не подлежит, однако имеет эмпирическое истолкование. Возврат в микротеорию категории «стоимость» позволяет снять ряд теоретических проблем, в первую очередь проблему соотношения макро- и микроописаний экономических систем.

Ключевые слова: экономическая теория, стоимость, мера, принцип.

Стоимость – мера ценности (некое общее свойство, позволяющее проводить сравнение ценностей качественно различных вещей). Этот теоретический конструкт эксплицирует сущностное свойство экономической реальности – а именно то, что люди в самом деле как-то сопоставляют различные по природе ценности.

В то же время, сложности как выявления сущности стоимости, так и ее операционализации оказались столь велики, что после А. Маршалла в западной экономической науке стала общепринятой точка зрения, что все осмысленные экономические вопросы могут быть разрешены без использования категории «стоимость» («для формирования Парето–эффективного рынка достаточно выражения субъективных предпочтений участников»). По нашему мнению, это закономерно: с одной стороны, существенное влияние здесь оказала весьма значимая в первой половине XX века философия позитивизма (предписывавшая исключать из науки «метафизические», то есть несводимые к опыту понятия, такие как «сила», «материя», «атом», «стоимость» и др. [1]); с другой стороны, до второй половины XX века просто отсутствовал адекватный понятийный и математический аппарат, необходимый для раскрытия сущности стоимости¹.

Однако неоклассическая экономическая теория, принципиально отказавшись от категории «стоимость» (и, тем самым – от объективной меры) в своем развитии столкнулась с рядом проблем². В то же время, никаких объективных научных оснований для элиминации стоимости нет.

---

¹ Имеется в виду теория информации [2]: по нашему мнению, стоимость есть *информационная* мера ценности [3–5].

² Тезис, что первооснова проблем неоклассики (очевидно имеющих место) – отсутствие в ее рамках объективной меры, т.е. отрицание категории «стоимость», раскрыт в ряде наших работ, напр.: [1, 6].

Также как никто при построении неоклассической микротеории общего экономического равновесия не объясняет, как конкретно homo oeconomicus получает доступ ко всей значимой экономической информации, нет необходимости и объяснять, как homo oeconomicus узнает «идеальные цены» (то есть стоимость). Таким образом, введение понятия «стоимость» а priori корректно, даже если мы пока и не представляем ее физической (психологической, информационной...) природы¹ [1].

Конкретно этот конструкт можно включить в микротеорию путем корректировки принципов базовой модели экономического индивидуума. Собственно, с учетом того, что в неоклассической микротеории homo oeconomicus мыслится обладающим полной информированностью и абсолютной рациональностью, корректировке подлежит только онтология микромоделей: принцип существования ценностей дополняется принципом существования меры ценности (стоимости). При абсолютной информированности и рациональности любой элемент экономической системы, очевидно, будет исходить из стоимости любого ресурса: стоимость можно определить как цену ресурса на идеальном рынке.

Для того чтобы теория могла существовать, достаточно непротиворечивости ее принципов. В этом аспекте и неоклассическая микротеория, и предлагаемая нами ниже микроэкономическая модель², — совершенно равноправны.

Так же как для одной территории может существовать несколько карт, также и в одной предметной области может быть создано несколько теорий. При этом точное совпадение любой теории с реальностью (которая потенциально бесконечно сложна) невозможно (и не нужно). В то же время вполне законен вопрос: какая из теорий более адекватно описывает реальность? Адекватен и законен этот вопрос и в таком аспекте: какая из теорий более полезна в контексте конкретной задачи (подхода).

Теория адекватно описывает реальность, если:

1) принципы теории отражают значимые свойства реальности: аксиомы геометрии интуитивно представляются истинными — и мы принимаем истинность выведенных из них теорем;

¹ Такая ситуация в науке отнюдь не редкость: так, в физике до сих пор нет согласия по вопросу о сущности гравитации.

Есть конкурирующие гипотезы: ОТО Эйнштейна (гравитация — искривление пространства) и корпускулярная (гравитацию передают гипотетические частицы — гравитоны), ни одна из которых не является общепризнанной, — но разве кто-то отвергает на этом основании понятие всемирного тяготения?

Еще более сильный пример — понятие «энтропия» (весьма «мутное» и невразумительное с точки зрения обыденного мышления), — введенное в термодинамику априорно, как некое отношение величин. При этом несколько десятилетий было совершенно непонятно, что есть носитель энтропии, и что это вообще такое; однако все эти обстоятельства не помешали построению на этой понятийной основе теории тепловых машин. Истолкование энтропии с позиций молекулярно-кинетической теории (как количество микросостояний системы, которыми реализуется ее макросостояние) было предложено значительно позже.

² Наша микроэкономическая модель отличается от неоклассической только признанием существования стоимости; назовем ее объективистской интерпретацией микроэкономики.

- 2) выводные предложения теории соответствуют фактам;
- 3) теория согласована с теориями более высокого (низкого) уровней (критерий когерентности).

Желательно, чтобы теория проходила проверку по всем критериям (1–3).

Далее мы рассмотрим вопрос, насколько соответствует данным критериям экономическая микротеория после замены в ней принципа субъективизма (отсутствия объективной меры ценности) принципом объективизма (существования стоимости как объективной меры ценности).

Принцип существования стоимости: интроспективный анализ. Начнем с разъяснения нашей методологической позиции: бывают ситуации, когда объяснение одного набора фактов может следовать из совершенно разных систем принципов. Абсолютизацией этого является методология конвенционализма: «принципы могут быть вообще какими угодно, вплоть до очевидного противоречия онтологии реальности — лишь бы дедуцируемая из них теория объясняла факты». С легкой руки М. Фридмена конвенционализм (в форме инструментализма) стал достаточно влиятельной методологией экономической теории. Соответственно, распространенной является методологическая позиция полного отказа от анализа принципов¹.

Мы считаем, что это — такой же «перегиб» (в эмпиризм), как и абсолютизация рационализма в стиле Гегеля: «Если факты противоречат моей теории — тем хуже для фактов...». Из реальных сложностей философского анализа принципов экономических теорий совершенно не следует, что теории нужно проверять только эмпирически (пусть даже в некоторых случаях анализ принципов действительно может не дать результата). Никто ведь не ставит под сомнение необходимость судебной системы только на том основании, что некоторые преступления остаются нераскрытыми и до суда не доходят.

Далее: что вообще значит — теория проверена эмпирически? Это означает, что теория является адекватной моделью какого-то фрагмента реальности (ее выводы соответствуют фактам). Следуя конвенционализму, получается: теория в целом должна быть изоморфна каким-то аспектам реальности, а ее первичные принципы (из которых она целиком и полностью вытекает) могут быть какими угодно. Очевидно, теория именно потому и объясняет факты, что ее принципы отражают какие-то существенные свойства реальности (хотя в некоторых случаях мы можем и не понимать связи принципов с реальностью).

---

¹ Отметим, что сам Фридмен занимал достаточно взвешенную методологическую позицию, ограничиваясь тезисом, что принципы теории не являются «фотографиями реальности» (с чем мы полностью согласны): «...вопрос о “предпосылках” теории состоит не в том, являются ли они “реалистичными” описаниями, поскольку таковыми они никогда не являются, но в том, являются ли они достаточно хорошими приближениями к реальности с точки зрения конкретной цели» [7. С. 29]. Сомнительная честь доведения умеренного инструментализма Фридмена до предельного конвенционализма («принципы могут быть какими угодно...») принадлежит его последователям.

Есть ли в экономических системах какие-то тенденции и черты, изоморфные принципу существования меры ценности?

По нашему мнению, они не просто есть, — они настолько очевидны, что, начиная изучать неоклассическую микротеорию, как правило, приходится делать волевое усилие, подавляя сопротивление априорных установок здравого смысла.

Каждому из собственного опыта известно (и фиксируется экономистами институциональной школы, социологами, и др.) понятие «справедливой цены»: но если бы у человека не было априорной интуиции того, что цена (явление субъективное) есть проявление какого-то объективного свойства вещей (стоимости), то откуда взяться суждению о степени справедливости цен? Ведь с «рыночной» точки зрения любая цена «справедлива».

На что опирается эта априорная интуиция? Это можно установить интроспекцией при любой покупке: помимо собственно полезности вещи, на интуицию о разумности цены влияют представления о степени трудоемкости продукта и его редкости (влияют и соображения престижности и т.п. — но это уже тема манипуляции сознанием потребителя). Конечно, такого рода оценки субъективны, — из чего, однако, не следует субъективности также и предмета оценки: так, до изобретения термометров оценка «тепло—холодно» тоже была субъективна, однако из этого не следует, что понятие температуры (меры нагрева) было тогда ненаучным (просто не было еще способа ее измерить).

Существуют известные контрпримеры, основанные также на интроспекции. Однако останутся ли они таковыми, если подвергнуть их более детальному анализу? Обратимся к общеизвестной модели «торговли» бриллиантами за воду в пустыне (якобы «доказывающей», что никакой объективной ценности у бриллианта нет), и отметим:

а) эта «торговля» может служить контрпримером по отношению к трудовой теории стоимости, а не к идее стоимости (как объективной меры ценности) вообще. Так, в рамках информационной концепции [3, 4] стоимость воды в пустыне (где она — ресурс крайне редкий) и должна быть высока;

б) еще важнее, что пример этот не удовлетворяет принципу независимости агентов (одному из важнейших в неоклассической модели человека): умирающие от жажды люди находятся в огромной зависимости от владельцев воды (отказ от обмена означает смерть), и если этот пример демонстрирует сущность какого-то явления, то это явление именуется «эксплуатацией»¹. Можно задать и еще более общий вопрос — а при чем здесь экономика вообще? Разве обсуждаемый пример эксплицирует сущность экономических отношений? Ведь экономика (в реальной жизни,

¹ Такая «торговля» возможна только при силовом (внеэкономическом) доминировании обладателей воды.

а не в неоклассических учебниках) — это способы координации больших групп людей в массовом производстве с разделением труда, а не прикладная психология экстремальных ситуаций.

«Стоимостный здравый смысл» не ограничивается потребительским выбором: так, эксперты по ценным бумагам постоянно рассуждают о недооцененных и переоцененных активах, — недооцененных (переоцененных) относительно чего? Неявно подразумевается, что есть некая «настоящая» цена. Эта настоящая цена и есть стоимость.

Впрочем, даже в законодательстве сугубо «рыночных» стран такие оценки зачастую прописываются явно. Рассмотрим практику регулирования естественных монополий в США.

В общем случае по антимонопольному законодательству предприятие-монополист «для создания конкурентной среды» принудительно разделяется (в полном соответствии с неоклассическим подходом). Однако, в случае естественной монополии (например, в электроэнергетике — прокладывание дублирующих линий электропередач «для конкуренции» явно абсурдно), применяется иная процедура: рассчитываются издержки предприятия, к ним добавляется «разумная прибыль», и на основе этого определяются тарифы для потребителей [8]. Очевидно, что это — подход классической школы (аналогичный практике планирования в СССР): менеджеры США, когда здравый смысл согласуется с классическим подходом, следуют ему, а не «рыночным принципам» (предоставляя сомнительную честь «создания конкурентной среды» на месте, например, единой энергетической системы СССР своим потенциальным конкурентам).

Стоимость и эмпирия. Оценка адекватности принципов — процедура неизбежно субъективная. Существуют, однако, и вполне количественные эмпирические основания в пользу адекватности категории «стоимость» для описания экономической реальности¹.

Так, К. Вальтухом на основе моделей межотраслевых балансов (МОБ) на представительном объеме статистики показано, что пропорции обмена между отраслями действительно соответствуют стоимостной гипотезе [4. С. 16–37].

Многолетняя практика применения МОБ уже сама по себе есть аргумент в пользу существования объективного основания для цен: пропорции обмена между отраслями в долговременной перспективе имеют тенденцию сохраняться, и существенно меняются только с изменением базовых технологий.

---

¹ Отметим, что любые эмпирические данные, верифицирующие неоклассические микромоделли, автоматически верифицируют и наш вариант микротеории. Маржиналистские модели работают при любом виде функции полезности — в том числе, естественно, и при признании полезности функцией стоимости. Поэтому предположение, что в основе предпочтений лежит что-то объективное (стоимость), никак не противоречит маржиналистскому подходу при построении любой экономической модели.

Рассмотрим мировую практику планирования долгосрочных проектов добычи энергоносителей — так как и курсы валют, и цены на углеводороды подвержены спекулятивным колебаниям, такое планирование производится не столько в финансовых показателях, сколько на основе оценок EROEI¹ — то есть на базе объективной количественной оценки затрат/отдачи от проекта. Отметим, что в энергетические единицы пересчитываются затраты всех видов ресурсов, — фактически при этом вводится энергетический денежный эталон (см. об этом также [9]).

В более широком контексте отметим: сравнение, например, значений ВВП страны в денежном выражении на протяжении 10 лет в условиях даже умеренной инфляции не дает почти никакой значимой информации; в таких случаях даже убежденные сторонники неоклассики обращаются к трендам показателей в натуральной форме (объемам выработки электроэнергии, потребления белковых продуктов и количества автомобилей на душу населения, и т.д.), — то есть следуют логике подхода классического. А в рамках подхода неоклассического (принципиально объективную меру отрицающего) оценить можно только параметры типа «наличие/отсутствие равновесия».

Но, может быть, аргументом против стоимостной гипотезы является отсутствие универсального алгоритма вычисления конкретных значений стоимости²? Мы считаем, что с тем же успехом можно возражать против использования геометрии на том основании, что не существует алгоритма построения абсолютно ровной и бесконечно протяженной прямой. Так же как реальные треугольники и квадраты никогда точно не соответствуют идеальным геометрическим фигурам, цены тоже отклоняются от стоимостей (тем сильнее, чем более разрыв конкретного рынка в реальности и модели рынка идеального), — но это отнюдь не основание элиминировать стоимость из теории.

Таким образом, по критериям (1–2) можно сделать вывод: ситуация с отрицанием объективности стоимости в современной экономической науке аналогична формально теократическому государству, жители которого сплошь атеисты: экономисты изучают в университетах неоклассический катехизис Самуэльсона, но при принятии реальных решений следуют вполне классическому здравому смыслу; экономические журналы ежегодно публикуют тысячи и тысячи статей в русле неоклассической теории (ввиду ее тотального доминирования последние десятилетия часто называемой экономическим *mainstream*), эксперты отмечают красоту и элегантность их логических конструкций — при этом всем заранее

¹ Energy Return On Energy Investment — «энергоотдача от энергозатрат» — отношение между затратами энергии на добычу энергоносителя и энергией, полученной в результате его использования.

² Неоднократные попытки создать такой алгоритм на основе трудовой, энергетической и информационной теорий стоимости не были успешными. По нашему мнению, разработка такого единого и универсального алгоритма вряд ли возможна (см. об этом, напр.: [5]).

известно, что эта логическая красота не имеет никакого отношения к реальности¹, и т.д.

О согласовании макро- и микроэкономических теорий. Вопрос о том, насколько теория согласована с теориями более высокого (низкого) уровней (критерий когерентности) в случае микроэкономики сводится к вопросу о согласовании макро- и микроэкономических теорий. Это — одна из самых острых теоретических проблем неоклассики, причем проблема эта непосредственно связана с принципом субъективизма: Отказ от категории «стоимость» — это отказ от объективной меры (деньги без эталона свойством объективной меры не обладают). А при отсутствии меры рассмотрение экономики становится необходимо равновесным.

Отрицание какого-либо объективного критерия ценности просто уничтожает всякую возможность каких-либо сравнений состояний системы во времени². Остается только постулировать либо равновесность экономической системы *a priori*, принимая для этого множество явно нереалистических допущений, либо обязательное стремление экономической системы к равновесию (ограниченно равновесный подход, принимаемый, например, в Австрийской школе [10]).

Если использовать метафору весов, то неоклассический подход заключается в идее, что для поддержания «рыночного равновесия» нет нужды в оперировании с точным весом гирь (то есть со стоимостью), — при потере равновесия надо просто класть на соответствующую чашу дополнительные гири, пока равновесие не восстановится (более того, гири будут укладываться сами собой — «невидимой рукой рынка»). Микроэкономический принцип априорного равновесия — формализация этой идеи.

Моделью ограниченно равновесного подхода может служить диффузия (которая всегда направлена на сглаживание неоднородностей, и, — если доведена до конца, — устанавливает равновесное распределение любых параметров) [11].

Априорно равновесные микромодели оказываются неизбежно несогласованными с макротеорией, предмет которой — ситуации, как правило, неравновесные, нередко не имеющие даже тенденции к равновесию: инфляция, безработица, и др. В результате экономическая теория становится аномальной научной дисциплиной: в норме

¹ В посвященном кризису 2008 года эссе с примечательным названием: «Как экономисты могли так ошибиться?» нобелевский лауреат Пол Кругман отвечает на вынесенный в заголовок вопрос: «Они приняли красоту за истину».

Действительно, если, например, «рыночное равновесие» сопровождается закрытием тысяч предприятий и массовым обнищанием населения, эту ситуацию можно оценить позитивно только при полном отрыве от реальности.

² Позволим себе аналогию с физикой — если бы физические константы менялись во времени — закон сохранения энергии не выполнялся бы, и отсутствовала бы связь между различными временными состояниями какой-либо системы. Соответственно, теряло бы смысл проследивание эволюции системы. В нашей ситуации в отсутствие меры ценности количественное сравнение различных временных состояний экономической системы также теряет смысл.

макротеория в любой дисциплине должна бы вытекать из микротеории. Макроэкономика, однако, оказывается не надстройкой над неоклассической микротеорией, а фактически автономной теорией: из ситуации равновесия (принимаемого *a priori*) в принципе нельзя получить (объяснить) ситуаций неравновесных.

Напротив, объективистская интерпретация микроэкономики не предполагает обязательного введения принципа априорного равновесия и/или стремления к оному (ни эксплицитно, ни имплицитно). Состояние оптимального равновесия (модель «идеального рынка») перестает быть основой микротеории¹: появляются возможности сравнений состояний экономических систем по количествам наличной и/или произведенной ими стоимости, а также введения в микротеорию труда (как производства стоимости). Это, в свою очередь, дает возможность строить нелинейные микромодели, что и снимает противоречия микро- и макроописаний экономических систем [12–14].

Об отношении между неоклассической и объективистской микротеориями. Это отношение подобно отношению между геометриями Евклида и Лобачевского: обе логически непротиворечивы и отличаются только постулатом о параллельных прямых. Но если аксиоматика Евклида адекватна обыденной реальности (и потому именно она лежит в основе техники), то аксиоматика Лобачевского описывает пространственные отношения на гиперболических (седловидных) поверхностях, — в силу чего почти не имеет практического значения. Неоклассическая микротеория, по нашему мнению, очевидно, имеет практическое значение, — но в чем именно?

В рамках неоклассического подхода вопрос наличия ценности вещи «самой по себе» не имеет смысла (предпочтения *homo oeconomicus* — это «черный ящик»). Какие ситуации в реальности изоморфны такому подходу? — в первую очередь, это ситуации распределения уникальных ресурсов, в оценке которых велика роль сугубо субъективных факторов (например: распродажа на аукционе произведений искусства).

Принятие принципа существования стоимости — это, в сущности, раскрытие «черного ящика» *homo oeconomicus*: мы обнаруживаем в этом «черном ящике» инструменты оценки ресурсов по трудоемкости, редкости и полезности (в контексте существующих в данный момент технологий и потребностей)². Какие ситуации в реальности изоморфны объективистскому истолкованию микротеории? — это ситуации массового производства с разделением труда, с использованием существенно

¹ Оставаясь, однако, важным частным случаем: см. [12, 15].

² Так как *homo oeconomicus* мыслится обладающим полной информированностью и абсолютной рациональностью, в ситуации оценки объективных факторов (а смысл категории «стоимость» именно в том, что она есть объективное свойство объекта, а не чье-либо мнение) он очевидно будет знать стоимость любого ресурса.

стандартизированных ресурсов, в оценке которых преобладают объективные факторы (трудоемкость, энергоемкость, редкость ресурсов, наличный уровень развития технологий).

Если считать, что предмет экономики – это в первую очередь распределение (а производство – вопрос вторичный, и, в сущности, не принципиальный), то неоклассический подход экономического mainstream, элиминирующий стоимость как категорию излишнюю, вполне адекватен. Это явно зафиксировано в известном определении предмета экономики по Л. Роббинсу: «Экономическая наука – это наука, изучающая человеческое поведение с точки зрения отношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление» [15. С. 18]¹.

Современная мировая экономика организована, по меткому замечанию Кейнса, как огромное казино, и неоклассический mainstream утверждает, что гиперболическая реальность плавающих курсов валют² – это «нормально» (более того – «теоретически правильно»). Достаточно очевидно, что современный мировой рынок институализирован таким образом, что главные предпочтения получают отнюдь не производители товаров и услуг, а те, кто организуют и контролируют обмен товаров и курсы валют. По нашему мнению, практическая значимость неоклассической микротеории – в первую очередь в идеологической легитимизации этого status praesens [1, 6].

Если же рассматривать экономику как подсистему общества, в первую очередь *производящую* ценности, то задача экономической науки – найти оптимальные способы координации больших групп людей в массовом производстве с разделением труда. Предмет экономической науки в этом случае – изучение экономических систем: то есть систем, создающих и рекомбинирующих стоимость [16]. Соответственно, стоимость в этом случае выступает не просто как одно из важных теоретических понятий, но как понятие ключевое (количественный подход в этом случае, очевидно, предполагает наличие меры ценности).

Как конкретно может выглядеть тогда микротеория? По нашему мнению, необходимыми в объективистском варианте микротеории являются только следующие три принципа: существование ценностей³, существования меры ценности (стоимости), и стремления экономических систем к максимизации стоимости [16]. Наличие меры ценности (стоимости)

¹ В этой же основополагающей работе Л. Роббинс явно указывает на то, что его подход рассматривает в первую очередь именно процессы обмена: «...именно в этой области [обмена] экономические обобщения имеют наибольшую практическую ценность» [15. С. 15].

² А плавающие курсы валют – это прямое следствие господства в умах людей неоклассической микротеории (представлений об отсутствии стоимости) [1].

³ Эквивалентным является принцип *ограниченности ресурсов* – имеющихся ресурсов недостаточно для удовлетворения всех человеческих потребностей. Ресурсы, не соответствующие этому определению, называются даровыми, а соответствующие – ценными.

никак не ограничивает возможности применения маржиналистских подходов¹, но позволяет строить как равновесные, так и неравновесные микромоделю; модель идеального рынка, переставая быть основой микро-теории, остается важным *частным* случаем, задающим эталон оптимума экономической системы².

Литература

1. *Егоров Д.Г.* Неоклассика vs классика: есть ли в экономической теории третий путь? // *Мировая экономика и международные отношения.* 2016. № 6. С. 35–41.
2. *Shannon C.E.* A Mathematical Theory of Communication // *Bell System Technical Journal.* № 27. 1948. P. 370–423, 623–656.
3. *Николов И.* Кибернетика и экономика // М.: Экономика. 1974.
4. *Вальтух К.К.* Информационная теория стоимости и законы неравновесной экономики / М.: Янус–К. 2001.
5. *Егоров Д.Г.* Информация и стоимость // *Финансы и кредит.* 2007. № 7. С. 58–64.
6. *Егоров Д.Г.* Почему проблемы неоклассической экономической теории принципиально неразрешимы // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность.* № 11. 2016. С. 170–180.
7. *Фридмен М.* Методология позитивной экономической науки // *THESIS.* Вып. 4. М. 1994. С. 20–52.
8. *Hawken P., Lovins A.B., Lovins H.* Natural Capitalism. Creating the Next Industrial Revolution / New York, London: Little:Brown and Company-Boston. 1999.
9. *Егоров Д.Г.* Об объективной мере стоимости невозобновляемых ресурсов // *Экономист.* 2012. № 5. С. 91–94.
10. *Хайек Ф.* Индивидуализм и экономический порядок / М. Изограф. 2000.
11. *Сергеев В.М.* Пределы рациональности / М. Фазис. 1999.
12. *Егоров Д.Г.* О теоретической альтернативе экономическому мейнстриму // *Мировая экономика и международные отношения.* № 7. 2013. С. 70–78.
13. *Егоров Д.Г.* Возможность согласования макро- и микроэкономики в рамках подхода Мориса Алле // *Общественные науки и современность.* 2009. № 1. С. 154–165.
14. *Егоров Д.Г.* Моделирование финансовых рынков: синергетический подход // *Мировая экономика и международные отношения.* № 5. 2007. С. 31–36.
15. *Роббинс Л.* Предмет экономической науки // *THESIS.* Вып. 1. М. 1993. С. 10–23.
16. *Егоров Д.Г.* Предмет экономической науки // *Мировая экономика и международные отношения.* 2015. № 2. С. 115–120.

¹ Как мы уже отмечали ранее, маржиналистские модели работают при *любом виде* функции полезности – в том числе, естественно, и при признании полезности функцией стоимости. Поэтому предположение, что в основе предпочтений лежит что-то объективное (стоимость), никак не противоречит маржиналистскому подходу при построении любой экономической модели [1, 12].

² Модель идеального рынка получается добавлением к вышеуказанным принципам (1–3) еще трех: взаимная независимость агентов, полный доступ к информации, абсолютная рациональность [16].